

География русской литературы

География **русской литературы** одновременно отражает и выражает образы нашей страны, ее наиболее представительные культурные ландшафты. *Плотность* литературной освоенности территории современной России гораздо ниже, чем в большинстве европейских стран. В Европе практически любой небольшой регион или местность запечатлены в тех или иных литературных произведениях. Первый взгляд на литературную карту России сразу же отмечает сравнительно высокую освоенность ее Европейской части. Несомненно, лидерами здесь являются Центральная Россия и Черноземье, намного уступают им Северо-Запад и Северный Кавказ. Отдельно можно выделить Москву и Санкт-Петербург, чья литературная освоенность на несколько порядков превышает другие города и регионы России. Причины такого географического распределения вполне очевидны: с одной стороны — центральные, наиболее развитые в культурном, политическом и социально-экономическом отношениях территории притягивают к себе писателей, поэтов, публицистов; с другой стороны, многие литераторы родились, выросли, сформировались в творческом отношении именно в центральных регионах России.

Как культурный феномен русская литература сформировалась, в основном, в XVIII – XIX вв. Однако о географии русской литературы можно говорить, начиная с XI в., когда появляются первые в нашем понимании образцы литературных текстов. Ещё, не существует светская литература, но региональные летописи, жития первых русских святых, эпические произведения, посвященные знаменательным событиям русской истории (например, «Слово о полку Игореве», цикл «Задонщина») уже фиксируют первоначальные ландшафтные и образные точки, к которым можно отнести степные районы Южного Черноземья, лесостепные ландшафты (именно в этих районах происходят княжеские междоусобицы, борьба со степными кочевниками — печенегами, половцами, а позднее — монголо-татарами).

Период Московского царства (XV–XVII вв.) в значительной степени изменил и культурно-географические ориентиры русской литературы. Началось освоение лесных районов Волго-Окского междуречья, Заволжья; происходит интенсивная новгородская и московская колонизация Русского Севера. В литературе присутствуют первичные ландшафтные описания Замосковского края, Вятской земли, Пермь Великой, но доминируют среднерусские и северо-русские лесные ландшафты — глухие, слабо освоенные, богатые зверем, мёдом, солью, рыбой, ягодой. Проникновение за Урал и в Сибирь порождает ряд интересных летописных сказаний — выдающихся памятников русской литературы, к которым относятся «Сказание о человецех незнаемых» (конец XV в.), мифогеографическое свидетельство первых походов русских воевод в Северо-Западную Сибирь, а также многочисленные летописные описания завоевания Сибири Ермаком, способствовавшие формированию сначала легенды, а потом и мифа о Ермаке, очень распространенном до сих пор во многих регионах Урала и Сибири. События русского церковного раскола, восстание Степана Разина породили многочисленные геокультурные и геохудожественные образы, воспроизводящиеся в рамках русской культуры до сих пор. Бежавшие на окраины Российского государства (в Заволжье, на Север, Урал, в Сибирь), раскольники стали инициаторами создания, а многие и авторами, интереснейшей церковной и светской литературы. Протопоп Аввакум, первый духовный вождь русских раскольников, сумел в рамках традиционной церковной литературы создать блестящие ландшафтные описания мест своих многочисленных ссылок — так, например, впервые в русской литературе возникает образ Байкала.

Переломные события внутренней русской истории **XVII–XVIII вв.** становятся содержательной основой новых ландшафтных образов России и её европейских и азиатских окраин, слабо освоенных, вольно колонизируемых, раскольничьих, казачьих. Подтверждения тому — литературные произведения не только этого, но и гораздо более позднего времени — романы П. И. Мельникова о раскольниках («На горах», «В лесах»), несколько повестей и романов о С. Разине и Е. Пугачёве (начиная с классической «Капитанской дочки» А. С. Пушкина и продолжая романами Василия Каменского, Вячеслава Шишкова, Василия Шукшина).

А.Н. Радищев

Не меньшее значение в развитии географии русской литературы сыграли судьбоносные события **эпохи Петра I** и последовавшее вслед за ними быстрое и неоднозначное приобщение русской культуры к европейской. XVIII в. — время рождения *светской русской литературы*, тексты которой порождают несколько иные образы пространства, нежели традиционные церковные, летописные и фольклорные тексты. В это время молодая русская литература быстро осваивала классические европейские жанры. Эпоха *сентиментализма* дала нам замечательные образцы путевых описаний и записок — не только путешествий по Европе (Н. М. Карамзин), но и по России (А. Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву»). *Романтизм* позволил освоить типовые поэтические ландшафтные топосы применительно к российским ландшафтам, что привело к созданию таких литературных шедевров, как поэтическая лирика В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, «Дума о Ермаке» Кондратия Рылеева, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, кавказские произведения А. А. Бестужева-Марлинского, «Мёртвые души» Н. В. Гоголя. На этом первоначальном ландшафтно-образном этапе русская литература стремится приобщиться к более широкому взгляду на особенности различных городских, сельских, региональных ландшафтов: в 1830–1850-х гг. быстро приобретает силу и популярность жанр *физиологического очерка*, в котором его авторы —

журналисты, писатели, поэты (среди них были М. Ю. Лермонтов — очерк «Кавказец», Владимир Даль — очерк «Уральский казак», Николай Некрасов) пытались отойти от канонов романтизма, передать натуралистические черты жизни и быта весьма контрастных российских местностей и губерний.

В течение **XIX столетия** возникла и расцвела *усадебная литература*, давшая миру блестящие произведения Ивана Аксакова, Ивана Тургенева, Ивана Гончарова, Льва Толстого, Афанасия Фета, а в начале XX в. — поэзию, эссеистику, прозу Андрея Белого и Александра Блока. Появились столь известные позднее «культурные гнезда», наиболее яркими примерами которых были Абрамцево под Москвой и Талашкино под Смоленском.

Вторая половина XIX в. становится для географии русской литературы переломной — начинают, хотя и не очень значительно, меняться её ландшафтные ориентиры: развивается *народническая литература*, что связано с реформами царя Александра II. Писатели «идут в народ», описывают жизнь и убогий быт крестьянства, в основном Центральной России и Черноземья (нищие деревеньки, однообразные будни, бесконечные и монотонные полевые горизонты). В начале XX в. во многом «народнический взгляд» был характерен для таких значительных писателей, как Александр Эртель, Максим Горький, Иван Бунин, Викентий Вересаев.

Территориальное расширение Российской империи, Кавказская война, присоединение Приамурья, Средней Азии, географические исследования русских путешественников на Дальнем Востоке и в Центральной Азии во 2-ой половине XIX в. стали первоначальной основой для изменения тематики и содержания многих литературных произведений. Наиболее ярко это видно на примере «кавказской темы», возникающей еще в эпоху романтизма 1820–1840-х гг. Настоящие горы, необычные восточные быт и нравы кавказских народов, многочисленные набеги и сражения породили целую череду знаменитых произведений, ставших классикой русской литературы — от А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого до написанного уже на грани XX и XXI вв. «Кавказского пленника» Владимира Макина. К концу XIX в. появляется уже довольно большой массив *сибирской литературы* — это рассказы, очерки, воспоминания бывших ссыльных (известный пример — рассказы Владимира Короленко). Азиатские территории России осваивались в это время иногда с помощью трансконтинентальных путешествий («Фрегат Паллада» И. А. Гончарова, позднее — «Остров Сахалин» А. П. Чехова), редко — энергетикой романтического патриотизма освоения новых российских земель (путевые дневники и очерки Петра Кропоткина по Приамурью).

Л.Н. Толстой

Начало XX в. — эпоха решающих перемен в географии русской литературы, означавшая появление и собственно региональных литератур, и представительных художественных образов новых регионов России. Этому процессу способствовали два главных обстоятельства — ускоренная социокультурная и социально-экономическая модернизация России и рост национального самосознания. Одно из таких событий действительно очень важно для понимания географических горизонтов русской литературы той эпохи: это крестьянские переселения в Сибирь и ускорившие их столыпинские реформы. Многие литературные и публицистические произведения 1890–1910-х гг. посвящены этой болезненной для России и ее культурной элиты общественной теме. Возникают группировки крестьянских и пролетарских писателей и поэтов, произведения которых по сюжету и тематике часто связаны с их родными местами (например, творчество крестьянских по происхождению поэтов, таких как Сергей Есенин).

В это же время русская литература начинает активно осваивать тематику промышленного,

капиталистического урбанизма (прежде всего, ранняя поэзия Владимира Маяковского; его предшественником можно назвать писателя Всеволода Гаршина). Появляются писатели, для которых постоянные путешествия, переезды являются фактически основным источником творчества (В. Г. Короленко, И. А. Бунин, М. А. Горький, А. И. Куприн, М. М. Пришвин). Литературная карта России 1-ой половины XX в. обретает новые региональные ориентиры. Появляются литературные и публицистические произведения, утверждающие и содержанием, и особой стилистикой, и мифологией такие районы, как Русский Север (Николай Клюев, Степан Писахов, Борис Шергин), Урал (Дмитрий Мамин-Сибиряк, Павел Бажов), казачье Подонье (Михаил Шолохов), Поволжье (очерки Василия Розанова «Русский Нил», поэзия Михаила Кузмина, повесть художника Кузьмы Петрова-Водкина «Хлыновск»), Восточная Сибирь (Вячеслав Шишков). Интерес к новым образам провинциальной мешанско-купеческой жизни, глухим уездным углам выразился в произведениях Федора Соллогуба («Мелкий бес»), Алексея Ремизова («Пруд»), Евгения Замятина («Уездное»), Леонида Добычина («Город N»). Узловая точка в становлении географии русской литературы XX в. — **1920-е годы**. С одной стороны, возникает плеяда новых талантливых авторов, чувствующих динамику эпохи и выражающих ее стихийно или осознанно с помощью образов *евразийства* — мощного культурного и политико-идеологического движения, возникшего в среде русской эмиграции 1920-х гг. Русская литература впервые осознает Россию как единый «евразийский дом», со всеми её бесчисленными народами и ландшафтами. К литераторам, начинавшим как очевидные «евразийцы», можно отнести Бориса Пильняка, Всеволода Иванова (рассказ «Цветные ветра», повесть «Бронепоезд 14-69»), Александра Фадеева (роман «Последний из удэгов»), Леонида Леонова, Марину Цветаеву (поэтический сборник «Вёрсты»). Но поистине вершиной евразийства в русской литературе является творчество Андрея Платонова (повесть «Епифанские шлюзы», романы и повести «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»). Наряду с этим, на заре советской эпохи, начинают формироваться зачатки устойчивых региональных мифологий, как бы поддерживаемых соответствующими региональными эпосами. Конечно, вершина здесь — «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Ему сопутствуют хотя и менее яркие, но тоже очень значимые произведения («Россия кровью умытая» Артёма Весёлого, «Угрюм-река» Шишкова, «Даурия» Константина Седых и другие). С середины XX в. начинает вновь интенсивно развиваться литература, опирающаяся в содержательно-сюжетном отношении на понимание автономности и самодостаточности различных российских ландшафтов. Появляются писатели-деревенщики (Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Борис Екимов), считающие своим долгом запечатлеть уходящие в историю традиционные сельские ландшафты своих регионов. Писатели из столиц пытаются найти в российской глубинке или же в своих путешествиях и экспедициях по российской провинции и отдалённым окраинам страны свои уникальные ландшафтные образы, выражающие в то же время образы их внутреннего мира (Юрий Казаков, «Северный дневник»; Олег Куваев, роман «Территория»; Андрей Битов, повесть «Человек в пейзаже»; вершины этого жанра — поэма «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева).

В конце XIX — начале XX вв. в русской литературе активно работают писатели, продолжающие традицию путешествий по российской глубинке (например, Василий Голованов — путевые очерки и эссе, роман «Остров» об острове Колгуев). Формируются новые литературные жанры и направления. С одной стороны, это — массовая и интеллектуальная литература в жанре фэнтези и утопий различного художественного качества: от детективов на основе уральских мифологий Сергея Алексеева «Сокровища валькирий» до произведений Виктора Пелевина («Жёлтая стрела», «Чапаев и пустота»), Юрия Мамлеева, Владимира Сорокина («Голубое сало»), Алексея Иванова («Сердце Пармы», «Золото бунта»), Ольги Славниковой (роман «2017»). С другой стороны, вновь и вновь возникает литература «ностальгического склада», принадлежащая столичным писателям, в которой намечаются ландшафты и образы, близких им биографически (детство, юность, первые вехи взрослой биографии) российских регионов (например, рассказы Евгения Гришковца «Реки» — образы Кемерово и Западной Сибири, романы Александра Иличевского «Ай-Петри» и «Матисс»).